

Политика «сдерживания» Исламской республики Иран в период деятельности администрации Джорджа Буша-младшего: характер и специфика неоконсервативного подхода (2001 – 2008 гг.)

The policy of "containment" of the Islamic Republic of Iran during the period of the administration of George W. Bush: the nature and specifics of the neoconservative approach (2001 - 2008)

Сафонов А.С.

Канд. ист. наук, доцент кафедры международных отношений Дипломатической академии
МИД РФ

e-mail: sasdipacademy@gmail.com

Safonov A.S.

Candidate of Historical Sciences, Assistant professor, Department of Foreign Relations, The
Diplomatic academy of the Russia's Ministry of Foreign Relations

e-mail: sasdipacademy@gmail.com

Аннотация

В статье анализируется генезис и эволюция политики США в отношении Ирана в период работы администрации Джорджа Буша-младшего, определяются характерные черты и особенности неоконсервативного подхода к проведению политики «сдерживания» в отношении ИРИ и режима «муллократии». Показано, что неоконсервативный подход к реализации стратегии «сдерживания» Ирана состоял в комплексном политико-дипломатическом давлении на Тегеран, в том числе через демонстрацию готовности при необходимости применить военную силу.

Ключевые слова: США, ИРИ, «муллократия», теократический режим, «сдерживание», «диалог цивилизаций», неоконсерватизм.

Abstract

The article analyzes the genesis and evolution of the US policy towards Iran during the George W. Bush administration, defines the characteristic features and peculiarities of the neoconservative approach to the policy of "containment" against Iran and the "mullocracy" regime. It is shown that the neoconservative approach to the implementation of the strategy of "containment" of Iran consisted in a complex political and diplomatic pressure on Tehran, including through a demonstration of readiness to use military force if necessary.

Keywords: USA, Iran, "mullocracy", theocratic regime, "containment", "dialogue of civilizations", neoconservatism.

Политика администрации президента У. Клинтона по отношению к Ирану основывалась на «эволюционном» подходе. В 1997 г. президентские выборы в Исламской республике Иран (ИРИ) выиграл представитель реформаторского крыла иранского политического истеблишмента Мохаммад Хатами, выступивший с внешнеполитической концепцией «диалога цивилизаций».

В данной инициативе нового президента ИРИ американские демократы усмотрели благоприятную для себя перспективу формирования в Иране условий для последующего проведения там внутривластных преобразований, либерализации режима и, как следствие, обеспечения оснований для отхода Тегерана от жёсткой конфронтационной линии в отношениях с США.

Обозначившуюся тенденцию, с точки зрения администрации У. Клинтона, необходимо было закрепить и поддерживать преимущественно через проведение Вашингтоном политики «мягкой силы», что, в свою очередь, предполагало выстраивание межгосударственного взаимодействия посредством дипломатии: как традиционной, так и публичной. Предполагалось таким образом культивировать у иранских политиков стремление к диалогу, стимулировать проамериканские настроения в обществе. Всё это требует времени, поскольку условий для революционных действий в Иране не наблюдалось. Такой подход можно определить как неолиберальный вариант стратегии «сдерживания» Ирана. Расчёт американцев строился на том, что заинтересованные в продвижении «диалога цивилизаций» иранские власти, получая «обратную связь» от Вашингтона, естественным образом должны были бы избегать или, как минимум, заметно ограничить инициирование жёстких недружественных действий в отношении США, чтобы не перечеркнуть перспективу диалога. Белый дом, в свою очередь, предполагая такую заинтересованность, получал возможность для постепенного усиления давления, выдвигая новые условия для организации полноценного двухстороннего взаимодействия. Таким образом, американская сторона намерена была действовать с расчётом на постепенные эволюционные изменения с перспективой трансформации теократического режима. «Хотя неприемлемая внешняя политика Ирана отчётливо остаётся неизменной, политическая и социальная динамика внутри Ирана явно начала меняться. В ответ президент Клинтон и я приветствовали призыв нового президента Ирана к диалогу между нашими народами»[9] – заявляла в этой связи государственный секретарь США Мадлен Олбрайт.

Однако персонифицированная тактика Белого дома не в полной мере сочеталась со спецификой политической системы Ирана, что изначально предопределяло ограниченность возможностей и ресурсов, которыми мог оперировать президент М. Хатами в проведении своей политической линии. По итогам парламентских выборов 2000 г. в меджлисе оформилась влиятельная консервативная оппозиция. Главенствующие позиции занимал верховный лидер ИРИ аятолла Али Хаменеи. В конечном счёте, к концу президентства У. Клинтона курс его администрации на «эволюционную» трансформацию теократического режима через задействование потенциала и активизацию представителей либерального крыла политического истеблишмента ИРИ оказался несостоятельным. В стране усилились консервативные тенденции, на что указывали результаты парламентских выборов в стране. В сложившихся условиях рассчитывать на успех неолиберального варианта политики «сдерживания» Ирана через поддержку и реализацию концепции «диалога цивилизаций» в интересах США не приходилось.

Пришедшая к власти в январе 2001 г. администрация Джорджа Буша-младшего в силу специфики своей идеологической ориентации изначально скептически относилась к курсу предшественников на поддержку и обеспечение эволюционных преобразований в Иране. Американская разведка оценивала вектор направления внутривластного развития ИРИ как движение в сторону укрепления авторитарных тенденций в стране, отмечая, что выборы в меджлис нивелировали «все позитивные изменения в Иране» [10]. Таким образом, Белому дому представлялся повод для ужесточения подхода через организацию в отношении Ирана комплексного политико-психологического и дипломатического давления. Предполагалось более акцентированно и основательно подойти к вопросу проработки возможности применения в отношении Ирана военной силы.

Белый дом при республиканцах, в рядах которых присутствовали такие видные неоконсерваторы, как Ричард Чейни и Пол Вулфовиц, был более склонен к организации экономической и дипломатической изоляции ИРИ с целью добиться там внутривнутриполитической дестабилизации, и на этой основе, дополнив и подкрепив эти действия организацией тайных операций, добиться смены режима. «Внешнеполитическая мысль неоконсерватизма отрицает традиционное понимание суверенитета, – писал исследователь К.В. Блохин, – ибо идея экспорта либеральных ценностей неизбежно вступает в конфликт с национальным суверенитетом, что равнозначно утверждению “права сильного” в международных отношениях» [2, с. 89]. Именно политика «смены режимов» стала ключевой в рамках концепции «демократизации» Большого Ближнего Востока при администрации Джорджа Буша-младшего.

До террористических актов 11 сентября 2001 г. внешнеполитический курс администрации Джорджа Буша-младшего находился в стадии разработки. Трагические события в Нью-Йорке и Вашингтоне стимулировали Белый дом к переходу от концептуализации к практической реализации. «Оказавшись под влиянием “ястребов”, Джордж Буш начал движение в сторону неоконсерватизма. “Доктрина Буша”, как отображение концептуальных подходов администрации, оформилась под влиянием неоконсервативных идей и ставила многие из них в свою основу» [5, с. 118 – 119].

Оформилось намерение, опираясь на подготовленное общественное мнение и консенсус в политической элите относительно оценки действий террористов, методов и формы ответа на них, проводить более агрессивную внешнюю политику, что выразилось в готовности применить военную силу для смены режимов под предлогом «возмездия» за совершённые исламистами преступления в отношении США. «Команда сторонников нового курса, сплотившаяся вокруг вице-президента Чейни и усилившая своё влияние после 11 сентября, заняла самую решительную позицию по Ближнему Востоку. В соответствии с доктриной Буша американский гегемонизм был теперь направлен на активную борьбу против всех потенциальных врагов США на Ближнем Востоке и в Персидском заливе для закрепления доминирующего положения Соединённых Штатов в этом регионе. <...> Теперь Израиль начал играть роль главного союзника США по борьбе с терроризмом на Ближнем Востоке» [4, сс. 351 – 352].

Процесс подготовки и осуществление американцами вторжений в Афганистан и Ирак по факту не ограничивались этими двумя государствами, имея более широкий концептуальный стратегический контекст. Факт того, что США, реализуя стратегию «смены режимов», пошли на прямое использование военной силы, на иранском направлении американской внешней политики должен был стать инструментом усиления давления на Тегеран. Автором и исполнителем данного подхода выступала советник президента США по национальной безопасности Кондолиза Райс [7]. В условиях, когда третья за относительно короткий срок военная операция представлялась затруднительной в силу одновременности их проведения и ограниченности ресурсов США, поэтапное усиление давления на Тегеран необходимо было для того, чтобы добиться от теократического режима уступок. Сигнал был очевидным. В так называемой «оси зла», – группе государств, представлявших, по мнению американцев, серьёзную опасность для США, – помимо Северной Кореи были включены Ирак и Иран. Приоритетность Ближнего Востока во внешнеполитическом планировании США, высокий уровень освоения КНДР ядерных технологий в их военном компоненте, особенности расстановки сил и специфика структуры безопасности, определявшие сложность и опасность реализации силового сценария в дальневосточной подсистеме международных отношений означали, что после Ирака на очереди стоит Иран. Расчёт был сделан на то, чтобы иранцы осознали, что сопротивление и неуступчивость с их стороны чреваты серьёзными последствиями.

Однако процесс усиления давления по замыслу американцев должен был быть именно постепенным и поэтапным. Включение Ирана в «ось зла» предполагалось в качестве первого этапа. Военные операции в Афганистане и, особенно, в Ираке должны

были убедить муллократию в том, что возможность силовой акции в отношении ИРИ со стороны США вполне реальна. Особенно это должна была продемонстрировать операция против Багдада, поскольку из государств, входящих в геополитический конструкт под названием Большой Ближний Восток, в «оси зла» находились Ирак и соседствующий с ним Иран.

Подобная политика представляла собой выполнение на практике концепции «превентивной войны», разработанной Пентагоном, цель которой, согласно заявлению министра обороны США Д. Рамсфелда, «не просто сражаться и побеждать, но и попытаться предотвратить войны. Поступая так, нам необходимо определить пути воздействия на тех, кто разрабатывает и принимает решения в стане потенциальных противников, удержать их не только от использования существующего вооружения, но, насколько возможно, попытаться в первую очередь отговорить их от новых опасных разработок» [8, р. 4].

В определённом смысле реализацию данной концепции в отношении Ирана можно квалифицировать как неоконсервативный вариант политики «сдерживания», предполагающий упор на «жесткую силу» (в отличие от подхода демократов, делавших акцент на «мягкой силе»). Однако, поскольку военный сценарий не реализовывался, а отмечалась только регулярная жесткая риторика с силовой компонентой, то фактически политика «сдерживания» реализовывалась через усиление политико-психологического давления, направленного на «устрашение» теократического режима в расчёте на уступки с его стороны через осознание реальности исходящей угрозы.

Вместе с тем, США учитывали мнение союзников как на Ближнем Востоке, так и за его пределами, что несколько размывало неоконсервативную характеристику курса администрации Джорджа Буша-младшего. Фактически, наблюдался отход от односторонности в принятии важных внешнеполитических решений по Ирану. И Саудовская Аравия как главный конкурент ИРИ в регионе, и европейцы скептически относились к реализации силового сценария в отношении Тегерана. Поэтому коалиция (а США не смогли бы в одиночку или в тандеме с Израилем осуществить такую масштабную военную акцию) не имела оснований для консолидации в поддержку силовых действий. Объединение, даже в случае подключения союзников через задействование дополнительных политических рычагов и создания видимости коалиции, практической пользы бы не принесло, поскольку оборонительные возможности и способность стран – объектов агрессии нанести значительный ущерб нападающим отличались. ИРИ в этом плане заметно превосходила Ирак по уровню совокупной мощи и, соответственно, силе ответного удара.

Также в администрации Джорджа Буша-младшего учитывали внутривнутриполитический фактор. Американцы строили расчёт на внутривнутриполитическую дестабилизацию и подрыв режима аятолл изнутри, для чего требовалось стимулировать, в первую очередь, этнические меньшинства, а также идеологических противников «муллократии», недовольных правящим режимом, раскачивая внутривнутриполитическую ситуацию. «В отличие от откровенно силовых способов по ликвидации с политической арены режима Саддама Хусейна в Ираке, основные надежды на изменение политической системы в Иране Соединённые Штаты всё больше и больше возлагают на внутреннюю дестабилизацию и взрыв системы изнутри с помощью различных социально-политических группировок, среди которых, безусловно, доминируют силы либерально-буржуазного реванша» [1, с. 246] – писал востоковед З.А. Арабаджян. Давление изнутри грозило США меньшими издержками. Тем более, что в Белом доме считали, что условия для проведения такого курса существуют.

В начале 2002 г. директор ЦРУ озвучил тезис о «хрупком равновесии» в Иране, что давало администрации Джорджа Буша-младшего возможность акцентировать внимание на внутренней работе, стимулируя волнения через работу с оппозицией. По сути, акцент делался на ведение «гибридной войны», рассматриваемой в качестве инструмента

сдерживания в отношении Ирана, поскольку уверенности в возможности свержения теократического режима в ближайшей перспективе через разовую акцию (силовой вариант или внутренняя дестабилизация с перспективой переворота) не было. Иран, в отличие от Ирака, по своим особенностям был заметно сложнее для реализации внешнеполитической стратегии Вашингтона в рамках проекта по «демократизации» Большого Ближнего Востока.

Когда стало заметно, что сопротивление оккупации в Ираке превысило предварительные расчёты, иранский трек заметно актуализировался. Иран имел отлаженные связи с шиитскими группировками. Это позволяло иметь влияние на ситуацию в Ираке и, таким образом, противостоять давлению Вашингтона.

После выборов 2004 г. в США и переизбрания Джорджа Буша-младшего на второй срок, его вторая администрация сосредоточилась на ядерной программе Ирана. Представляется, что в сложившихся условиях, когда Ирак стал реальной проблемой, действовать в одиночку или в рамках ограниченной «коалиции желающих», не способной оказать действенную поддержку американцам в случае инициирования силовой акции, было нецелесообразно, чревато значительными издержками. Как политическими, так и финансово-экономическими. Деятельность Ирана в ядерной сфере оказалась той темой, которая на фоне разногласий по Ираку могла консолидировать США с ведущими европейскими государствами и Россией для оказания концентрированного политико-дипломатического давления и создать видимость изоляции Тегерана.

Коррективы курса Вашингтона были обусловлены тем фактом, что в 2005 г. президентские выборы в Иране выиграл консерватор Махмуд Ахмадинежад. Твёрдая позиция ИРИ в отношениях с США стала ещё более неуступчивой. «Идеи борьбы за независимость вылились в активное противостояние с США и агрессивную антиизраильскую риторику, в то время как старание укрепить Тегеран в качестве лидера исламского мира выразилось в форме более активного участия иранцев в ОИК и многосторонних форматах встреч в мусульманском мире» [3, с. 239].

Новый президент ИРИ сам предоставил повод для определённых успехов США в деле формирования антииранской коалиции на основе проблемы нераспространения ОМП. «Все действия президента Ахмадинежада во второй половине первого десятилетия XXI в. показывали, – писал иранист В.И. Юртаев, – что происходила реализация логики идей имама Хомейни. В условиях глобализации иранское руководство расценило как недостаточно эффективный курс “диалога цивилизаций”» [6, с. 95]. М. Ахмадинежад заявлял о стремлении овладеть технологией полного ядерного цикла, намекал на возможность передачи технологий другим государствам. И всё это на фоне того, что МАГАТЭ не могла дать твёрдые гарантии об исключительно мирном характере иранской ядерной программы.

Консолидация мирового сообщества оказалась возможной и в рамках международных организаций. США сосредоточились на организации дипломатических усилий с целью передачи иранского «ядерного досье» в Совет Безопасности ООН с последующим принятием резолюций, вводящих санкции в отношении ИРИ. Подобная линия могла стать эффективным инструментом внешнего давления США на иранскую муллократию.

Вторая администрация Джорджа Буша-младшего взяла курс на одновременное сочетание внутреннего и внешнего давления. Внешнее давление должно было осуществляться деятельностью в рамках ООН по организации политико-психологического нажима на Тегеран. По части внутреннего давления работал Конгресс, выделив средства на проведение агитационно-пропагандистских мероприятий в Иране. К такому подходу Белый дом вынудило отсутствие возможностей для реализации силового варианта в отношении Ирана. Таким образом, неоконсервативный подход к реализации стратегии «сдерживания» Ирана состоял в комплексном политико-дипломатическом

давлении на Тегеран, в том числе через демонстрацию готовности при необходимости применить военную силу.

Литература:

1. Арабаджян З.А. Иран: навстречу «свободе» или развалу страны? (К вопросу о ведении психологической войны против Ирана) // Иран в условиях новых геополитических реалий (к 40-летию Исламской революции) / отв. ред.-сост. Е.В. Дунаева. – М.: ООО «Садра», 2019. – СС. 245 – 253.
2. Блохин К.В. Крестonosцы холодной войны. Американский неоконсерватизм: идеология и практика глобальной гегемонии. – М.: Весь Мир, 2016. – 176 стр.
3. Иран: в поисках своего места в международных отношениях // Ближний Восток: Политика и идентичность. Коллективная монография / под ред. И.Д. Звягельской / ИМЭМО РАН. – М.: Аспект Пресс, 2020. – СС. 235 – 243.
4. Карасова Т.А. Израиль и США: Основные этапы становления стратегического партнёрства (1948 – 2014). – М.: Аспект Пресс, 2015. – 464 стр.
5. Кислицын С.В. Мир посредством силы: внешнеполитическая идеология и практика американского неоконсерватизма. – М.: Весь Мир, 2020. – 216 стр.
6. Юртаев В.И. Исламизация как фактор внешней политики Ирана. – М.: Аспект Пресс, 2018. – 160 стр.
7. Rice C. Campaign 2000: Promoting the National Interest // Foreign Affairs. – 2000, January/February. – Volume 79, № 1. [http:// https://www.foreignaffairs.com/united-states/campaign-2000-promoting-national-interest](http://https://www.foreignaffairs.com/united-states/campaign-2000-promoting-national-interest) (Дата обращения: 1.06.2023)
8. Rumsfeld D. “21st Century Transformation” of U.S. Armed Forces: Remarks as Delivered by Secretary of Defense Donald Rumsfeld. – Washington, DC, National Defense University, Fort Mc Nair, 2002, January 31, Thursday. P.4 // Homeland security digital library. [http:// https://www.hsdl.org/c/abstract/?docid=471878](http://https://www.hsdl.org/c/abstract/?docid=471878) (Дата обращения: 1.06.2023)
9. Secretary of State Madeleine K. Albright. Remarks before the American-Iranian Council. March 17, 2000, Washington, D.C. As released by the Office of the Spokesman, U.S. Department of State // U.S. Department of State official web-site (archive). URL: <https://1997-2001.state.gov/statements/2000/000317.html> (Дата обращения 15.06.2023)
10. Tenet G. DCI’s Worldwide Threat Briefing. Statement by Director of Central Intelligence George J. Tenet Before the Senate Select Committee on Intelligence on the “Worldwide Threat 2001: National Security in a Changing World”. – 2001, February 7 // The Avalon project. Documents in Law, History and Diplomacy. [http:// https://avalon.law.yale.edu/21st_century/tenet_001.asp](http://https://avalon.law.yale.edu/21st_century/tenet_001.asp) (Дата обращения 27.05.2023)